

Теоретические и политические сражения Арриго Черветто

Публикуем отрывок из предисловия к готовящемуся изданию избранных работ Арриго Черветто.

I

Арриго Черветто был основателем, теоретиком и лидером Lotta Comunista. Его политическая биография, начавшаяся в 1943–1944 годах с участия в партизанской войне и продолжавшаяся до самой смерти в феврале 1995 года, охватывает более полувека и может быть сведена к двадцати ключевым битвам. Разумеется, эти сражения, направленные на восстановление и развитие марксистской теории – в области экономики, политики, социальных преобразований и международных отношений – проходят красной нитью через всю представленную подборку его трудов. До 1980 года свидетельством этого служат “Тетради 1981–1982 годов”, содержащие его воспоминания.

Первый бой, завод и партизанская война

Арриго Черветто родился в апреле 1927 года в Буэнос-Айресе, в семье эмигрантов, переехавших из Савоны в Аргентину – факт, который впоследствии оказал влияние на его взгляды на международную политику. Его первые важные жизненные впечатления в Савоне были связаны с фабрикой и войной. В начале 1943 года он поступил учеником на сталелитейный завод “Ilva”. В “Тетрадах” он описывает, как в цехах сгущались «настроения протеста против войны и фашизма», а также идеи «в общих чертах понятого коммунизма», где для всех «Россия была мифом». Эта «простая идея», символизируемая «песнями протеста» и стремлением к «равенству» и «свободе», начиная с фабрики и старых милитантов ИКП через Черветто стала ориентиром для первой группы «молодых коммунистов» в районе Виллапьяна, которые вскоре перешли к партизанской борьбе.

Эти страницы также рассказывают нам о *моральном факторе*, который направлял Черветто в его отношении к рабочему классу, частью которого он был, и о его убеждённости – когда он попробовал свои силы в качестве историка рабочего движения и Сопrotивления в районе Савоны, – что он может быть их рупором. Эти работы были собраны и опубликованы в 2005 году в сборнике “*Ricerche e scritti. Savona operaia dalle lotte della Siderurgica alla Resistenza*”. В состав “Избранных произведений” вошли только общее предисловие и статья “Сопrotивление – пленник Ялты”, поскольку очевидно, что эти эссе представляют собой нечто большее, чем просто локальную историографию.

Приведём отрывок из “Тетрадей”: «Я работал на “Ilva” в ночную смену. В первый же раз мне показалось, что это настоящий ад: машины не останавливались ни на секунду, а струи расплавленной стали осыпали весь цех искрами. Я боялся уснуть, потому что один парень, задремав, был искалечен арматурой, соскочившей с вагонетки – он даже не успел ничего понять. Другого парня, жившего в моём квартале, насмерть раздавило ковшом.

Позднее, в одном из первых моих эссе о борьбе рабочих, проявлявшейся, начиная с 1861 г., я подчеркнул то, что первая стихийная забастовка на заводе “Siderurgica” была протестом и проходила в знак солидарности в ответ на смертельные несчастные случаи на производстве. Обычно работа продолжалась, как только уносили тела погибших, но в тот раз рабочие остановились. Секретарь епископа, глубокий знаток местной истории, сказал мне, что я привёл историографическое свидетельство забастовки, произошедшей не по экономическим причинам, а на основе традиционных христианских ценностей. Я ответил ему, что солидарность в этом случае имела антагонистический характер, поскольку она была проявлена не только по отношению к кому-то, но и против кого-то. Секрет прост: на этих страницах было то, что я сам пережил. Историки Библиотеки Фельтринелли писали мне, в том числе и в других случаях, потому что находили на моих страницах дух класса, который нельзя было найти в других сочинениях на аналогичную тему, даже если они и характеризовались большей эрудицией. Секрет прост: на этих страницах было то, что я сам пережил. Был труп юноши, покрытого красноватой пылью литейного цеха. Был мой дед, получивший серьёзную травму на прокатном стане. Был кусок арматуры, из-за которого я лишился ногтя на ноге, были те холодные утра, когда даже над морем появлялся туман, и жаркие летние дни, проведённые на “Ilva”. Наконец, такие вещи, которые не имеют значения для официальной истории, и те люди, которые никогда не имели ни имени, ни голоса, смогли

заговорить – через мой мозг, который думал, и через мою руку, которая писала. Многочисленные фрагменты действительности смешивались в мельчайшей пыли жизни миллионов людей и расплывались на ветру времени концентрировались в моём мозгу и принимали форму в моих записях. Я пытался придать им осознанность. Страсти для этого не требовалось: её полностью давали они. В этом заключалась и заключается вся моя гордость: быть инструментом реванша всех тех, кто обречён на безвестность, и кто остаётся лишь в материальной цивилизации, в мире, где превозносится индивидуум, но только чтобы возвысить тех немногих, кто имеет вес. Это мир, где отдельный индивидуум не осознаёт, что он сам есть результат миллионов индивидуумов, предшествовавших ему, и то, что он ест, во что он одевается, то, что использует, является результатом коллективного труда, который длится веками.

Он ходит по тротуарам и асфальту, поднимается по лестнице, включает свет, звонит по телефону, смотрит телевизор, слушает музыку – и использует не только то, что в этот момент производят миллионы человек, но, по крайней мере, в четыре или пять раз больше – использует то, что было произведено миллионами людей, которых больше нет. Душу эти люди оставили в своей работе. Священники ищут её на небе и препятствуют тому, чтобы кто-то видел её на земле, на тротуаре под их ногами. Результаты человеческого труда – бессмертны, и бессмертны человека – в его труде. Когда его тело деградирует и распадается на уже неорганизованную материю, человек продолжает жить в том, что он создал. Его труд не может разложиться и исчезнуть, потому что в нём нуждаются и его используют те, кто приходит после. Не осознавая этого, они продолжают его дело – также как, не осознавая, несут в себе гены, которым миллионы лет, и каждая их клетка воспроизводит лишь то, что старая ей позволила произвести.

Известен труд лишь очень малого числа людей. Только очень малому числу обеспечена память. Остальные – почти все – уходят в великую братскую могилу человеческого рода. И всё же история является прошлым этой братской могилы. История, – говорит Маркс, – это история борьбы классов. Без исследования этого великого кладбища невозможно понять, что происходило на самом деле. Внимание уделяют лишь самым заметным могилам, не видя бескрайнего кладбища прошлого. Кто знаком с теми миллиардами людей, которые говорят только результатами своего труда? И как услышать их голоса, если не умеешь слушать биение сердца производительных сил?

Я не знал этих вещей, когда в далёком 1943 году пошёл работать на “Piva” в ночную смену. Но я их чувствовал, они были частью моего характера и моей человеческой жизни. Может быть, именно потому, что я был настолько животным, мне и удавалось чуть-чуть быть человеком. Читая некоторые марксистские тексты и многие книги по истории, мне удалось познакомиться с этими мыслями, у меня получилось дать логическое выражение всему тому, что было беспорядочно выражено в страсти. Страницы истории классовой борьбы обрушивались на меня потоком свежей воды. Мне казалось, что я пережил их. Я ходил по улице, мысленно говоря с тысячами неизвестных персонажей этих страниц. Я погрузился в старые библиотечные газеты и продолжал диалог с людьми, которые ходили по тем же улицам, по которым ходил и я. После стольких лет я вновь встретил своего деда. У меня не было денег, но это были самые богатые дни моей юности. Я был молодым среди стариков прошлого и стариком среди современной молодёжи. И когда я делал первые выводы из этих исследований, страсть и разум сливались в радости по поводу того, что, наконец, я давал голос тем, кто никогда не имел его при жизни. Я был убеждён, что являюсь их рупором».

Черветто считал днём своего политического крещения 25 июля 1943 года. Именно тогда, на демонстрациях по случаю падения Муссолини, а затем на улицах 8 сентября, у него созрело решение присоединиться – спустя несколько месяцев – к партизанским отрядам: «Для нас не составило труда выйти на улицы 25 июля. Из казармы фашистской милиции начали стрелять. Одна женщина упала мёртвой, другие были ранены. Гуидо пуля пронзила ногу. Казалось, что всё закончилось, но всё ещё только должно было начаться. Ещё мы готовили листовки. В скором времени начали запасаться оружием.

8 сентября опустели казармы; люди бежали, чтобы взять одеяла, форму, обувь, мешки с макаронами и сахаром. Они были похожи на муравьёв. Немцы смотрели, а некоторые из них смеялись. Мы нашли винтовки и боеприпасы. Радовались так, будто наткнулись на клад Мампрочема¹. Мы думали вооружить повстанческую армию, но эти винтовки, под тысячами

предлогов, никто не хотел брать. Так начиналось моё реальное политическое ученичество – со слёз разочарования. Мечта теряла свою невинность, и реальность навязывала себя со всей жестокостью. Мы ругали всех и никому не доверяли. Чёрные дни гнева и одиночества. Они быстро проходили. Сознание и наивность возраста заявляли о себе. Мы вновь начали шутить и убеждать себя, что, в конце концов, так было лучше. Мы были маленькой группой, хорошо знали друг друга и чувствовали себя сильными. Мы были сильны лишь волей. Так мы бросили вызов фашистам.

Я вновь обдумываю всё, и мне это кажется нереальным. Если бы я не пережил это, то с трудом бы поверил, потому что всё это выходит за рамки любой логики. Тем не менее, в те месяцы и в том рабочем районе группа молодых людей вбила себе в голову, что необходимо бросить вызов фашистам. Бывало, по ночам они ошалело стреляли, крича: “Труссы, выходите!” А мы смеялись, представляя, как мясник с рыночной площади найдёт на утро свою железную ставню, изрешечённую пулями».

В мае 1944 года Черветто присоединился к партизанам, действовавшим в горах за Савоной и в Ланге в Нижнем Пьемонте; он был дважды ранен, в то время как от трети до половины этой группы «молодых коммунистов» из его района погибли в Сопротивлении. Другие отрывки из “Тетрадей” дают представление о том, насколько этот военный опыт оказал влияние на глубокие убеждения Черветто: «Я, который кое-что читал, был политиком группы, и таким меня продолжали видеть на протяжении многих лет Пьеро и Нино [Пьеро Паризотто и Антонио “Нино” Больяни] – с безграничным доверием, которое стало самым значимым, что они мне дали. Они продолжали смотреть на меня так же, как в дни борьбы, когда доверие было связано с человеком, а не с тем, что он сказал. “Это сказал Арриго”. Я, возможно, говорил очевидное, но это не имело для них значения. Они доверяли тому, что я делал. То, что я говорил, было лишь следствием. Когда рискуешь жизнью, политические отношения сводятся к их сущности. Всё зависит от отношений между людьми, которые действуют вместе, и всё следует из того, как эти люди оценивают друг друга. Трудно представить себе, насколько такое суждение бывает решающим и исключительным в определённые моменты. В нормальной политической деятельности, когда за ошибки расплачиваются, но не жизнью, доверие не может быть таким же, как в особые моменты. И всё же именно в эти моменты характеры людей проверяются огнём и становятся видны во всей их красе. Характеры обостряются. Кто боится, выхода нет – боится, кто нерешителен, никуда не денешься – нерешителен. Кто отступает – тот отступает, и много не будет. Когда политика становится настолько рискованным делом, отношения между людьми становятся гиперчувствительными и приобретают животное чувство. Доверие и недоверие – две стороны этого чувства. Чутьё может сыграть злую шутку, но если вы выжили, значит в большей мере оно было полезным, так как, в любом случае, было неотъемлемым.

Исключительные моменты проходят, политика поднимается до уровня рациональности, но и самый рациональный политик будет тем больше обращаться к страсти, чем больше его борьба будет становиться исключительной. Всегда приходит время, когда люди в политической борьбе вынуждены обращаться к своим самым глубоким внутренним ресурсам. Так же и классы, и их партии».

«У немецких солдат, выслеживавших меня, я научился сражаться, чтобы не мешал дождь; у немецких миномётчиков в бою под Кастино я узнал, что существует такая точность стрельбы, при которой я просто взлечу на воздух, если после второго выстрела не покину свою позицию; у фашиста, который перед расстрелом поблагодарил нас за то, что мы приказали не пытаться его, я узнал, как глубоко может быть укоренён националистический фанатизм; у смелого и справедливого командира из рабочих, который выманивал жизнь для членов дивизии Сан Марко, захваченных в плен, чтобы отомстить за убитого во время пыток и унижений молодого товарища, я научился человеческому мужеству плакать, чтобы жестокие законы борьбы не привели к бесполезным жертвам из-за вспышки ярости; от командира, который дрожал как лист, внезапно передавая мне какой-то недоверчивый ужас – в то время как я [был] подчинённым и юношей, перед которым стоял взрослый мужчина и уважаемый начальник, – я узнал, что нельзя самоуверенно распоряжаться жизнями других людей, если у тебя нет природных качеств, которые позволяют это делать».

Война и Соппротивление стали первым сражением Черветто и той первой группы молодых людей. Но если в тех трагических и исключительных обстоятельствах их увлекла политическая страсть, то решающим фактом остаётся то, что они были охвачены ею без истинного осознания происходящего: *«Находясь в неведении относительно действительного содержания той империалистической войны и цепляясь за мифы, которые без труда порождает диалектика противостояния, мы были маленькими листочками в бурных ветрах, которые дуют по всему миру. С нами или без нас эти ветра продолжили бы свой путь. Но страсть, пусть и листка, остаётся страстью. Она часть человека. Направленная, она становится мощным политическим фактором. Политика – это борьба, а не академическое упражнение, поскольку никто не будет рисковать даже волосом ради простой политической гипотезы. Только страсть заставляет рисковать головой. В конечном итоге успех ждёт того, у кого будет больше страсти. Политикан-скептик, измеряющий других своим мерлом и неспособный представить себе страстей, движущих другими, обречён на то, чтобы оказаться сбитым с ног явлениями, которые он недооценивает и над которыми насмехается. До тех пор, пока будет идти ожесточённая социальная и политическая борьба, страсть будет стимулировать наиболее жаждущих молодых людей в тёмные ночи и на тёмных улицах рабочего квартала в промышленном городе. Не должно случиться так, что на рассвете они будут спрашивать себя, почему день оказался совсем иным, и терять много лет на изучение, в состоянии безнадежности, как это произошло.*

С того времени я посвятил свою жизнь тому, чтобы дать выход политическим соображениям, стратегии, расчётливой борьбе, своей страсти и страсти поколений, которые придут следом».

Из этого первого, основополагающего для политической судьбы Черветто сражения можно сделать два вывода. Первый – это его убежденность в том, что без *страсти* не может быть революционной борьбы, но эта страсть должна быть ориентирована и дисциплинирована *«политическим разумом»* и стратегией. Спустя несколько десятилетий, в 1980-х годах, призывая к привлечению в партию третьего поколения, Черветто утверждал, что молодёжь может быть привлечена к Lotta Comunista как к *«партии научного порядка»*, находя в ней *«страсть к теории, страсть к борьбе»*, *«вкус к пониманию, вкус к сражению»*. В этом призыве соединить науку и борьбу звучал и урок, извлечённый из его участия в партизанской войне.

И вот второй вывод из этого сражения. Эта горстка молодых рабочих, которая дала жизнь группе, стоявшей у истоков Lotta Comunista, начала борьбу в идеологическом тумане Ялтинского раздела, где мифом для всех была Россия. Но та *«простая идея»*, движимая страстью – стремление к *понимаемому в общих чертах коммунизму* – обернулась ловушкой и иллюзией: в СССР эти идеалы были подменены, превращены в инструмент государственного капитализма, а ялтинский сговор явился империалистическим разделом Европы, подававшимся как расширение *«социалистического лагеря»*. Урок, извлечённый Черветто, заключался в том, что он никогда больше не позволит делать себя инструментом в чужих руках.

Через несколько лет это переросло в убеждение, что только наука Маркса вместе с ленинистской организацией и их видением стратегии может укоренить *стратегически независимое* от любого влияния революционное меньшинство. Сначала это привело к выходу Черветто из ИКП, в которой он недолго был милитантом после 25 апреля 1945 года, и заставило его искать *другой*, несталинский коммунизм в либертарной среде ИАФ, Итальянской анархистской федерации.

Корейская война и политическая борьба в либертарном коммунизме

В анархистском движении в Савоне, сложившемся вокруг авторитетной фигуры Умберто Мардзокки, Черветто станет душой молодёжной группы “Ни бога, ни хозяина”; благодаря ней он познакомится с Лоренцо Пароди, рабочим компании Ansaldo, связанным с генуэзскими либертарианцами, и с Пьером Карло Мазини. Тосканский интеллектуал из либерально-социалистического мира, Мазини после недолгого пребывания в ИКП во Флоренции примкнул к анархизму в знак протеста против “поворота в Салерно” Пальмиро Тольятти и стал редактором *Gioventù anarchica* и *Umanità Nova*.

Черветто и Мазини станут ключевыми фигурами АГПД, *Анархистских групп пролетарского действия*, целью которых было просеять среду либертарного коммунизма в поисках сил, готовых к организованному милитантству, ориентированному на класс и порвавшему с мелкобуржуазной, индивидуалистической и антиорганизационной стороной этой традиции. Правда, взгляды Мазини и Черветто довольно быстро разойдутся: первый будет искать теоретические и политические решения в либертарианстве, а второй уже в июне 1949 года напишет, что считает себя «марксистом-анархистом». С 1950 года интернационалистская борьба вокруг Корейской войны станет определяющим моментом для этого политического объединения: *«Сидя за барным столиком под открытым небом в сквере, мы с Мазини строили грандиозные планы. В те дни началась Корейская война. В жару того июньского дня Мазини читал мне передовицу, построенную вокруг лозунга “Ни Вашингтон, ни Москва”, и я был доволен. Он говорил мне, что даже небольшая группа молодых рабочих, таких как я, может сыграть решающую роль в том бурном будущем, которое ждёт нас впереди, поскольку старшие поколения были перемолоты идеологиями, которым суждено разрушиться под напором стремительного движения мировой действительности. Мы привели немало исторических прецедентов и, в частности, переломный 1914 год. Бывают моменты, сказал Мазини, когда группа решительных людей с железной волей, наделённых ясными идеями, может увидеть больше, чем все остальные, обусловленные тысячей традиций и политических привычек. Мы должны работать над тем, чтобы собрать этих людей вместе».*

Вердикт, который Черветто выносит в отношении Мазини, отличается большим благородством: он прежде всего признаёт, насколько глубокие исторические знания Мазини позволили тому обратиться к марксистской теории и анализу Амадео Бордиги, избежав при этом ликвидаторской неадекватности бордигистской концепции партии как простого хранителя программы и парализующей идеи тоталитарного господства американского империализма: *«Прошло много лет. Мазини теперь признанный историк, собирает награды; он один из “бестселлеров”, как я говорю в шутку Пароди, а мы оба таковыми не являемся. Он либеральный демократ. Я политически боролся с ним, потому что это нужно было делать, но никогда не критиковал в личном плане, даже если другие делали это.*

В том далёком 1950 году он, без сомнения, был тем, кто лучше других смог понять мой характер, мой опыт, мою целеустремлённость. Он не льстил мне и не поощрял меня. Часто критиковал меня, как и я критиковал его. Он рационально подталкивал то, что могло и должно было быть направлено на практические и конкретные цели и что в противном случае осталось бы невыраженным. Его познания в истории не носили общий характер, как у Бордиги, но касались частностей, в том числе биографических, которые я спрашивал у него, чтобы сравнить их с практикой, которая была мне знакома. Это стимулировало меня.

Мне было ясно, что в мире господствует унитарный империализм. Верчези и Бордига представляли его в качестве тоталитарного монстра, и я не мог понять, с какой стороны к нему, такому всесильному, можно было подступить. Возможно, следовало ждать, пока он разрушится сам по себе, думал я, но эта перспектива могла слабо удовлетворить мой разум и никак не удовлетворяла мою страсть. Мазини же говорил мне, что анализ Бордиги был наиболее острым из всего того, что рабочее движение когда-либо выразило, но и самым “скептическим” в плане действия. Мы должны были схватиться за этот анализ, как за оружие, с упорной волей и решимостью. Как его можно было перевести в плоскость действительного движения, нас учила история.

По мере того, как Мазини погружался в детали своих исторических примеров, я выходил из тумана теории и уходил вглубь себя. По сути, восемь лет назад я начинал таким же образом. Это было дряхлое общество, которому бросала вызов горстка неподготовленных юнцов. Но, пожалуй, это было то же самое общество, подорванное в своей основе, которому группа молодёжи, подготовленная теперь пятью годами размышлений, решила бросить вызов. Мы радостно попрощались на станции».

Май 2025 г.

¹ - Остров из произведений итальянского приключенческого писателя Эмилио Сальгари (1862–1911).